

П.Пепперштейн

Комментарий к проекту “Витя в Кёльне”

“... после прохождения Лабиринта, он, как и положено молодому человеку из нашей семьи, отправился прогуляться по Отражениям, чтобы, что называется, развлечься и испробовать возможности Карт. В одной из Теней он и повстречал этих язвительных великанов с темно-синей кожей и неповоротливой манерой шутить, с длинными шпорами на руках и светящимися колесиками на ступнях ног”.

Роджер Желязны “Хроники Амбера”

“... Хайдеггер это толстое, свиноподобное существо, передвигающееся, главным образом, вдоль больших рек. Вместо одной ноги у него – культя, к которой прикреплено большое деревянное колесо. В другой руке он держит костыль. Отталкиваясь и разгоняясь с помощью костыля, Хайдеггер иногда может развивать значительную скорость.

В. Пивоваров “Атлас Чудовищ”

Казалось бы, именно этот проект не требует особых комментариев. Это была секретная прогулка из серии других секретных прогулок, отличающаяся от остальных тем, что участники ее изначально договорились ничего не скрывать от мира в этом маленьком конкретном случае, нарушить секретность как бы для того, чтобы показать кому-то, что под покровом тайны, под защитной сеткой конспиративных приёмов не содержится ничего особенного – то же самое, что везде, всегда. Несколько человек, вставших утром чуть раньше обычного, слегка бледные, невыспавшиеся, с легким налетом маниакальности на лицах,

гуляют по красивым местам, радуются, смеются, снимают на видео, иногда пытаются произнести какую-то речь, но цепочки высказываний вязнут словно в меду, заслоняются пеленой мелких аудиальных дефектов, всё кажется подернутым прозрачной амнезией, рассеянностью. “Ключевые слова”, так называемые тяжелые точки ежедневной культурной речи, в нашем случае такие как “дискурс”, “идеология”, “искусство”, “нома”, “Москва”, “агентура”, постепенно теряют свое место, отдаляются, становятся пустыми, смешными и экзотичными, но, в то же время, нежными, дорогими, как фотографии родных людей в их молодые годы. Слишком многое уже обговорено, обсосано и в тайне, по секрету, забыто. Взаимопонимание достигает той степени, когда исчезает потребность не только в назывании, но и в намеках, про многое начинаешь говорить в выражениях типа “все эти вещи”, “...и все вот эти дела”, “и всевозможные заморочки вот этого вот плана”, и “ну вот эта вся хуйня” и так далее. То есть в выражениях, за которыми стоит, с одной стороны, тотальное “САМ ПОНИМАЕШЬ”, и в которых, с другой стороны, присутствует чисто фонетический элемент затирания, заминания – места, где дискурс “зажёвывает”, как зажёвывает иногда магнитофонную ленту в кассете на неисправном магнитофоне. Однако это не воспринимается как дефект и как некое окончание. Скорее можно сказать, что интеллектуальная речь, принадлежащая небольшой группе собеседников и кодированная до предела в качестве наложения индивидуальных и групповых сленгов, трансформируется в галлюциноз и открывается в нем в своих пространственных параметрах, преобразуется в “рай”, сотканный из бормотания знакомых, из перешептывания зрителей во время киносеанса, из полусонного обмена впечатлениями о специфике наблюдаемых онеройдов. Здесь, в этом наблюдении за ландшафтами “зажеванных мест”, появляется некая информация (из разряда гносеологических фантазий, которые мы называем КАТЕГОРИЯ СЕКРЕТОВ АТТРАКЦИОНА) о “природе” интеллектуализма. Эта информация есть не более чем констатирование достаточно тонких различий между внутренним диалогом шизофреника (или интеллектуала) и проекцией этого диалога, разыгрываемого уже не “ментальными голосами” в сознании одного человека, а голосами реальных людей, беседующих и прогуливающих, то есть теми голосами, которые, как мы любим выражаться, создают “групповое тело”. В первом

случае фоном диалога служит, как правило, знаменитая “шизофреническая ясность”, а пронизающим эффектом, вроде электричества, работает “понимание”. Во втором случае “понимание” (трансформированное во “взаимопонимание”) становится фоном, а в качестве эффекта выступает наоборот “неясность”, мистифицирующий и психоделизирующий аспект интеллектуального обсуждения. Это различие есть лишь одна из тех технологических мелочей, которые позволяют интеллектуализму удерживать свое существование как некую интригу и приковывать внимание к коллизиям и перипетиям этой интриги.

Полностью интровертированный, ушедший в глубину упомянутой “неясности”, интеллектуальный язык всегда был отчасти фетишем для нас. Однако, в рамках сюжетов “Медгерменевтики”, он остается подчиненным в качестве одного из возможных инструментов манипуляций с обобщественными бредовыми формациями, чья интенсивность чаще всего во много раз превосходит интенсивность наших “терапевтических жестов”. Опыт “СОЗНАНИЯ ВИТИ” это нечто другое, сравнимое с пылесосом, которым водят по ковру в то время, когда он выключен из электрической сети. Я лично склонен усматривать в глубине этого “СОЗНАНИЯ” две основные вещи – рассеянность и уединенное состояние группового тела. В случае “ВИТИ” интеллектуализм демонстрирует свои “личные отношения с собственным материалом, артикулирует “нежную отстраненность” по отношению к словам, которыми он пользуется, он предстает как асоциальность, игнорирование, мечтательность, напоминающая мечтательность предоставленного самому себе онаниста. Интеллектуальному языку свойственно рефлексировать и он часто репрезентирует результаты этой рефлексии, однако подспудный, невнятный, полубессознательный уровень самосозерцания, которым интеллектуализм развлекает себя в уединении и рассеянности, обычно не репрезентируется монументально, а только лишь на уровне домашних алтариков, семейных альбомов. Странная и, на мой взгляд, очень эффективная, галлюцинаторная интенция, которая, как мне кажется, исходит от Вадика – это монументализация этого затирания, “всех этих вот вещей”, этого бормотания. Здесь есть что-то, связанное с подтекстами русской культурной мифологии. Там есть разные сюжеты, например, “Гений и его

мозг”, и связанные с ними мыслеформы патологизированного гигантизма: сонный шопот, разносящийся словно гром по всему небу, колоссальные, увеличенные во много раз черновики Пушкина, его невнятный почерк и его зачеркивания, поправки, запечатленные в мраморе и прочих материалах психоделического дисбаланса.

Для “номы”, начиная с КД, всегда была важна традиция прогулок, было важно идентифицировать себя как группу прогуливающихся. “Поездки загород” у КД, поездки за границу у большинства членов номы, путешествия в галлюциноз у членов МГ. В тот день мы путешествовали в Кёльне, осознавая его как Отражение Москвы, как если бы Москва была чем-то вроде Амбера, единственным реальным местом. Это была, по сравнению с советской, более романтическая и инфантильная местность, с зелеными полянами, красивыми парками, дворцами, лабоньками, велосипедами, Замком Тьмы на Рейне, обнаружением различных символических достопримечательностей: стада овец, группы искусственных гномов вокруг бассейна. Все эти символы были безобидными, в них отсутствовало то угрожающее и смешное, к чему мы привыкли в Реальном мире. Это заставило меня удостовериться, что Витя – ребенок. Это ребенок крупный, толстый, нечеловеческий, передвигающийся (как на это уже намекалось в эпитафиях) с невероятной скоростью, с помощью колесиков на ногах, возможно он даже одет в развевающуюся горностаевую мантию. Всё, с чем он имеет дело, кажется ему очень далеким и легким. Что же касается дискурса, то единственная мечта Вити – чтобы этим словом назвали настоящий ледокол, который будет взламывать льды Арктических морей и Ледовитого океана.

5 апреля 1992 г.